

УНИВЕРСИТЕТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ТРУДАХ ЖАКА ЛЕ ГОФФА

Историк Жак Ле Гофф принадлежит к третьему поколению знаменитой французской школы «Анналов». Предметом его изучения стало западноевропейское Средневековье, сотворившее, по мнению историка, современное западное общество, цивилизацию, умирающую в своих традиционных крестьянских формах, но живую в созданных ею основах социальных и ментальных структур. Жак Ле Гофф помещает данный период в расширенные хронологические рамки: со II или III в. н.э. и до промышленного переворота XIX в. Это долгое Средневековье есть история доиндустриального общества [1, с. 8].

Одним из главных достижений Средневековья Жак Ле Гофф считает университеты. Ученый рассматривает их как продукт городской культуры, основанный на экзамене – не известной ранее системе оценке личности, заменивший в университетской среде выбор по жребию и по рождению.

Появившиеся благодаря урбанизации университетские преподаватели поставили перед обществом такие же проблемы, что и торговцы. Те и другие, по представлениям средневековых философов-традиционалистов, продавали ценности, принадлежавшие лишь Богу: знание в первом случае, время – во втором. «Продавцы слов» – так заклеил новых интеллектуалов св. Бернар, требуя их возврата в единственно достойную монаха школу – монастырскую.

Жак Ле Гофф отмечает, что эволюция во взглядах на профессию университетского преподавателя происходила одновременно с трансформацией в сознании общества понятий труда и времени. Труд из библейского труда-наказания раннего Средневековья превратился в труд-оправдание, ставший в конечном счете залогом к спасению. Начиная с XIII в., между трудом физическим, презируемым более чем когда-либо, и умственным (труд купца и университетского преподавателя) происходило размежевание.

Изучая эволюцию самих средневековых университетов, Жак Ле Гофф выделяет три периода развития университетской среды: зарождение, кризис зрелости и оцепенение упадка Средневековья [1, с. 109].

До XII в. наука и культура являлись привилегией клириков. Монашеские и епископальные школы давали образование бесплатно, т.к. все, что оплачивалось и покупалось, считалось недостойным. Честь и долг определялись количеством услуг, снизу вверх и наоборот. Деньги изгонялись за пределы общества как в плане экономическом, так и в плане моральном.

С появлением городских школ XII в. наставникам и их ученикам пришлось жить за свой счет. Материальные, духовные и социальные условия учености претерпели фундаментальные изменения. Жак Ле Гофф указывает на них на примере эволюции значения термина *clericus* (священнослужитель), изменявшегося в направлении ученого, образованного человека, а в ряде языков развившегося до обозначения должностного лица (англ. *clerk*, фр. *clerc*) [1, с. 121].

Университеты принимали в свои члены людей любого социального происхождения. В стратифицированном об-

ществе Средневековья и Ренессанса они были единственными в своем роде группами, которые были открыты лицам любой национальности. Период образования и развития университетов совпал также с периодом развития, специализации и выработки техники государственной службы. Поэтому поиск университетариями возможностей сбыта своих способностей встретил растущий спрос со стороны государственной власти. Это касалось, в частности, медицинских факультетов, особенно востребованных после эпидемии Великой чумы.

Средневековая государственная власть рассматривала наличие университетов как украшение и общественное достояние. Это происходило в силу престижа науки, на которую, как казалось властям, университеты имели монополию. Власть и Ученость содействовали друг другу, в то время как Власть и Священство зачастую противоборствовали.

Университетское население имело важные экономические привилегии: освобождение от налогов, податей, дорожных пошлин. Оно пользовалось специальными тарифами на жилье и продовольствие. Жизнь в городах, где имелись университеты, была дешевле прочих городов, что вызывало недовольство местных буржуа.

Конфликты между университетами и государственной властью возникали в случае превышения муниципальными или королевскими чиновниками своих полномочий, а также по причине принадлежности большинства университетариев к двум социальным классам, наиболее склонным к буйству, — дворянству и крестьянству. Эти молодые и в основном холостые мужчины не чувствовали необходимости подчиняться правилам церковного поведения: целомудрию, трезвости, неучастию в насилии. Напротив, осознавая силу юридических привилегий, обеспечивавших им щадящие наказания, студенты учиняли беспорядки, на которые их подвигали возраст и пребывание на чужбине.

Университетское сословие было неоднородным. Здесь выделялись праздношатающиеся клирики — предшественники студенческой богемы. Большинство составляли бедные школяры. Многие из них были очень сплочены с мэтрами — самой знатной частью университетской среды.

Во второй половине XV — XVI вв. в силу престижа образования в городах Европы было создано много университетов. Однако бескорыстные намерения все больше вытесняли утилитарные мотивы. Университеты должны были прежде всего готовить чиновников, администраторов, судей, дипломатов, служащих государственных органов. Становясь в большей степени центрами профессионального образования на службе у государства, нежели центрами чистого интеллектуального и научного труда, университеты изменили свою роль и социальный облик.

Произошло перерождение университетской среды в касту. Сократилось число бедных студентов. Возникла университетская олигархия, которая стремилась извлечь все большую выгоду от отправления своих функций. Постепенно исчез интернациональный характер университетов. Они разделились на католические и протестантские, что способствовало усилению «национализации» и регионализации университетов.

В результате развития государственной власти университеты утратили большую часть своих основных свобод. Подчиненные юридически, они стали также зависимы экономически. В бюджете университетов выросла доля общественных дотаций: зарплата со стороны государства, пребенда, выплаты с доходов, приносимых развитием коммерции.

В духовном плане университеты сами все больше склонялись к предложенной им утилитарной роли. Они становились хранителями и надзирателями ортодоксальности, выполняли функцию идеологической полиции на службе у политической власти. Ярким примером тому стала Сорбонна, прославившаяся своим участием в охоте на ведьм.

Литература:

1. Ле Гофф, Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко; под ред. В.А. Бабинцева. — 2-е изд., испр. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. — 328 с.